

Лалаев Джумшуд

В волнах любви

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джумшуд Л.**
В волнах любви: Роман / Лалаев Джумшуд – М.: Книга по Требованию, 2023. – 237 с.

ISBN 978-5-519-92351-4

ISBN 978-5-519-92351-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

— Наташа, кто пришелъ?

— Никого нѣтъ.

— Какъ, а звонокъ?

— Это по телефону. Якова Семеновича спрашиваютъ, отвѣтила Наташа изъ корридора и быстрыми шагами ушла въ кухню.

— Такъ онъ еще не пришелъ; что-же онъ такъ запаздываетъ?

Разговаривая сама съ собою, Елена Яковлевна вошла въ свою комнату, облокотилась на маленькій письменный столъ и задумалась. Она ждала своего репетитора—студента медицинскаго факультета Михаила Петровича Матеева. Она ждала его, но не такъ, какъ вообще всѣ ученицы ждутъ своихъ учителей. Елена Яковлевна къ своему репетитору питала особое расположеніе, и каждый разъ, послѣ обѣда, особенно ко времени его прихода, сердце ея начинало трепетать и она сгорала

отъ нетерпѣнія видѣть его около себя, хотѣлось ловить его взоры, слышать его голосъ, звучащій въ ея ухахъ такъ сладко, такъ неопиcуемо пріятно.

Елена Яковлевна была второю дочерью Якова Семеновича Муратова. Недавно ей миcуло 17 лѣтъ. Она была въ шестомъ классѣ гимназіи и въ томъ году должна была перейти въ седьмой. Ежегодно, когда приближались экзамены, отецъ нанималъ для нея репетитора, и студентъ Матеевъ уже второй годъ занимался съ ней.

Михаилъ Петровичъ Матеевъ былъ уроженецъ Кавказа; ему было 23 года, ростомъ онъ былъ ниже средняго, плотнаго тѣлосложенія, съ крупными чертами лица, но съ постоянной пѣжной улыбкой въ черныхъ глазахъ, оставляющей сладкое и надолго неизгладимое впечатлѣніе въ женщинахъ, внимательно и не безъ интереса, смотрѣвшихъ на него.

Сынъ бѣдныхъ родителей жившихъ въ какой-то кавказской деревнѣ, онъ, благодаря своему упорному труду и энергіи, окончилъ курсъ гимназіи въ губерпскомъ городѣ; пользуясь помощью добрыхъ людей и небольшимъ пособіемъ, полученнымъ отъ благотворительнаго общества, пріѣхалъ въ Москву и поступилъ на медицинскій факультетъ.

Елена съ перваго-же года очень сердечно отнеслась къ Матееву, а въ томъ году онъ почти не выходилъ изъ ея мыслей и это мѣшало ей готовить уроки. Для Матеева не осталось незамѣтнымъ влеченіе къ нему Елены и это его очень

обрадовало, такъ-какъ онъ тоже не былъ равнодушенъ къ ней.

Ея высокій и стройный станъ, овальное, красивое лицо, съ черными большими глазами, окаймленными полукруглыми, бархатными бровями, наконецъ ея движенія, ея обращеніе съ людьми, заронили искры любви въ сердце молодого, здорового кавказца и Матеевъ тоже каждый день съ нетерпѣніемъ ждалъ времени идти на репетицію, чтобы быть у Елены.

Тяжелымъ трудомъ прокладывая себѣ путь, энергичный студентъ уже испыталъ всевозможныя невзгоды, понималъ какъ трудно проложить дорогу къ болѣе сносной и сравнительно обезпеченной жизни и всегда надѣялся на лучшее будущее, и первый шагъ въ стремленіи къ этому лучшему будущему онъ видѣлъ въ любви къ Еленѣ и въ ея любви къ нему. Такъ какъ, если эта любовь не превратится въ иллюзію, а наоборотъ, если она наконецъ достигнетъ желаемого вѣнца, то онъ тогда будетъ очень счастливъ. Вѣдь за Еленой нѣсколько десятковъ тысячъ приданнаго и отецъ, имѣющій большія связи съ богатыми людьми.

Яковъ Семеновичъ Муратовъ уроженецъ одного закавказскаго уѣзднаго города. Еще въ молодыхъ годахъ онъ безъ всякаго образованія, но обладая природнымъ умомъ и особенною ловкостью, пріѣхалъ въ Баку и поступилъ сначала на службу въ качествѣ рабочаго на одинъ нефтяной заводъ. Онъ постепенно подвигался вверхъ и наконецъ, по какому-то капризу судьбы, разбогатѣлъ, женился и у него завязались крупныя связи съ очень бога-

тыми людьми. Въ послѣдніе годы, когда ему минуло 60 лѣтъ на него напала какая-то меланхолія и онъ, продавъ свои нефтяные промысла за нѣсколько сотъ тысячъ рублей какому-то англійскому обществу, вмѣстѣ со своей женой—доброй, сердечной Софьей Григорьевной, двумя сыновьями и дочерью Еленой переселился жить въ Москву.

Его старшая дочь еще въ Баку по его выбору вышла замужъ за какого-то купца, а потому она послѣ отъѣзда родителей осталась въ Баку.

Старшій сынъ Якова Семеновича—Александръ 25-ти лѣтъ—вышелъ изъ третьяго класса гимназіи и, ничѣмъ не занимаясь, велъ очень распутную жизнь, получилъ дурную болѣзнь, лѣчение которой стоило отцу нѣсколько тысячъ рублей. Но, вылечившись, онъ продолжалъ вести ту же жизнь и въ Москвѣ, еще сильнѣе предавался разврату, что всегда огорчало его родителей.

Младшій сынъ Якова Семеновича—Николай 22-хъ лѣтъ, очень рано начавъ идти по стопамъ старшаго брата, рано же усталъ; онъ всегда страдалъ малокровіемъ и въ Москвѣ держался въ сторонѣ. Онъ еще юношей пережилъ любовный романъ, кончившійся несчастно. Послѣдніе годы онъ углубился въ чтеніе серьезныхъ книгъ, которыя не только доставляли ему большое удовольствіе, но и развивали его.

Онъ, какъ и его родители, очень любилъ сестру Елену и всегда думалъ своимъ житейскимъ опытомъ быть полезнымъ ей, а потому все время слѣдилъ за нею и уже замѣтилъ ея влеченіе къ репетитору-студенту.

Мать его Софья Григорьевна очень скорбѣла въ душѣ о сыновьяхъ, боялась за дочь и думала какъ-бы устроить ее—выдать замужъ сейчасъ по окончаніи гимназіи.

Всѣ эти обстоятельства, конечно, хорошо учитывалъ студентъ Матеевъ и наконецъ онъ убѣдился въ томъ, что его будущее съ Еленой обезпечено. И опъ при всякой встрѣчѣ съ супругами Муратовыми старался быть очень вѣжливымъ и придать себѣ солидность, чтобы оставить хорошее впечатлѣніе.

Но какъ онъ ни нравился супругамъ Муратовымъ, какъ хорошій учитель, тѣмъ не менѣе они никакъ не могли представить его своимъ будущимъ зятемъ и ни на минуту не допускали мысли объ этомъ.

Для Муратовыхъ это было не понятно,—студентъ, сынъ бѣднаго крестьянина, еще Богъ знаетъ, что изъ него выйдетъ? Допустимъ докторъ, зарабатывающій самое большое двѣ тысячи рублей въ годъ. Развѣ это пара для Елены, имѣющей приданнаго сто тысячъ паличными деньгами, да драгоценныхъ вещей тысячъ на двадцать. Однимъ словомъ Муратовы не допускали и мысли, что они выдаютъ свою дочь за небогатаго, а то еще и бѣднаго студента, хотя-бы и интеллигентнаго человѣка, имѣющаго докторскій или иной дипломъ. Они не прочь выдать Елену замужъ. Даже рапъше, чѣмъ она окончитъ гимназію, но только за богатаго человѣка.

Въ Москвѣ Муратовы жили на одной изъ на-

бережныхъ въ третьемъ этажѣ большого дома. Изъ оконъ ихъ квартиры открывалась красивая картина — Кремль, подъ стѣнами котораго текла тихая, задумчивая рѣка Москва.

Уже былъ седьмой часъ и Елена съ какимъ-то внутреннимъ, отчасти непонятнымъ для нея безпокойствомъ ждала своего репетитора.

Репетиторъ-студентъ по условію приходилъ въ семь часовъ и занимался до девяти. Но семи еще не было и Елена почти ежеминутно вынимала свои маленькіе, золотые, съ изображеніемъ бутопа розы, часы, считала оставшіяся минуты, затѣмъ, оставивъ лежащую передъ ней книгу, стала ходить по комнатѣ, останавливаясь у окна и смотря на Москву—рѣку и Кремль. Ея сердце начинало биться отъ каждаго телефоннаго звонка и она сердилась и волновалась, что это не звонокъ репетитора на парадномъ.

Апрѣльское солнце уже стало приближаться къ закату и золотистые снопы его лучей наполняли комнату Елены.

Теплые лучи солнца заставили Елену, не смотря на ея нежеланіе, спустить на окнахъ бѣлыя шторы съ густою бахромою по краямъ. Сумракъ окуталъ всю ея комнату и сердце забилося отъ какихъ-то неопредѣленныхъ для нея чувствъ. Она нѣсколько минутъ неподвижно стояла у своего стола и устремила пристальный взглядъ въ одну точку паркетнаго пола. Въ этотъ моментъ задребезжалъ звонокъ на парадномъ, Елена вздрогнула и у нея невольно вырвалось—„это онъ“. Она пріотворила двери своей комнаты и прислушалась.

Пришелъ Матеевъ и горничная поспѣшила доложить объ этомъ Еленѣ. Она по обыкновенію прошла въ залъ. Матеевъ вошелъ въ ея комнату, черезъ нѣсколько минутъ появилась и она.

Послѣ обычнаго рукопожатія они сѣли за столъ.

— Ну, повторили? — спросилъ Матеевъ, взявъ со стола книгу и, перелистывая ее, смотрѣлъ на Елену своимъ сладкимъ взглядомъ.

Елена чуть улыбалась.

— Повторила нѣсколько разъ, но все-же не все помню. Ахъ, эти годы, перечисленіе этихъ событій, трудно запоминается. Право, не знаю, какую нужно имѣть память.

— Да, исторія это такой предметъ, который нужно любить, чтобы хорошо помнить всѣ событія и эпохи. Имена и названіе мѣстностей еще легче, а вотъ хронологію, правда, трудно запомнить.

— Правда, правда,—повторила Елена, съ жадностью смотря на него, когда онъ говорилъ.

Должны были репетировать по исторіи, и Елена сколько не читала свой учебникъ и не перечитывала его, все же не могла запечатлѣть въ своей памяти ни годовъ, ни событій. И Матеевъ принялся расспрашивать ее, а потомъ показывалъ ей способъ, какъ заучивать и запоминать исторію со всѣми ея событіями.

Какъ только репетиторъ кончилъ свой рассказъ, Елена вдругъ расхохоталась и ея задухеvный смѣхъ заразилъ репетитора, который, не понимая чему она смѣется, все же поддержалъ ея веселое настроеніе. Лицо Елены чуть-чуть зарумянилось,

ея веселые, пылающіе глаза задѣли за сердце молодого человѣка и онъ, самъ того не замѣчая взялъ ее за руку и сказалъ:

— Ну говорите, чему вы смѣетесь?

— Ей Богу, ничего; только знаете, когда вы рассказывали я думала совсѣмъ о другомъ и вотъ вы кончили, а я ни одного слова не помню.

— Ну, хорошо, я вамъ еще разъ расскажу; только смотрите, остается два дня, вдругъ провалитесь на экзаменѣ.

— Пожалуйста, расскажите; не бойтесь, не провалюсь; а кстати учитель исторіи...

— Да вѣдь на экзаменѣ не учитель, а другіе будутъ спрашивать.

— Ну а въ совѣтѣ учитель можетъ поддерживать.

— А вотъ, чтобы не рассчитывать на эти поддержки, лучше учиться; ну слушайте.

— Репетиторъ рассказывалъ съ такимъ вдохновеніемъ, что Елена вся обратилась въ слухъ и каждое его слово такъ запечатлѣвалось въ ее памяти, что по окончаніи рассказа, она вздохнувъ отъ удовольствія и нѣжно улыбаясь, сказала ему:

— Теперь я все запомню, хотите я повторю, вы чудно рассказываете, хорошо, ахъ, какъ хорошо!

Матеевъ эти слова одобренія слушалъ съ глубокимъ удовольствіемъ и пристально смотрѣлъ на нее своими большими глазами и сладко и нѣжно улыбался.

— Такимъ же образомъ они продолжали повторять остальные главы учебника.

Солнце уже зашло за высокія стѣпы и въ комнатѣ стало темнѣй. И въ тишинѣ, которая царила, когда они прерывали свои занятія, въ сердцахъ обоихъ молодыхъ людей рождалась масса желаній. Матееву рисовались картины его будущей жизни, но Елена не могла себя представить ничего другого, какъ только быть всегда возлѣ Матеева, неустанно глядѣть на него, слушать его голосъ и словомъ всегда быть съ нимъ.

Иногда, когда она чуть касалась его руки, она ощущала теплоту его тѣла, а когда онъ наклонялся къ ней, чтобы что нибудь писать и Елена чувствовала его дыханіе, тогда она ощущала какую то сладость, какую то истому и желала, все желала всегда быть такъ близко къ нему, чтобы слиться съ его тѣломъ во едино и дышать съ нимъ однимъ воздухомъ.

Въ тихой комнатѣ, какъ въ священной часовнѣ, царствовала какая-то таинственность. По временамъ, когда они оба умолкали, въ глубокой тишинѣ слышно было только жужжанье первой весенней мухи, которая металась и рвалась на оконномъ стеклѣ къ синему весеннему небу.

Матеевъ, замѣтивъ ее, указалъ Еленѣ, говоря:
— Смотрите, какъ она мечется, какъ стремится къ волѣ, къ свободѣ.

— Да, вѣдь хорошо быть свободной, ахъ какъ хорошо.

— Дайте я отпущу ее.

— Тогда нужно шторы поднять.

— Ну такъ что-же, пора-же поднять, уже сумерки наступаютъ.

И Матеевъ, говоря это, подошелъ къ окну, поднялъ шторы, открылъ ставни и муха вылетѣла. Елена неподвижно смотрѣла на него. Въ комнатѣ немного стало свѣтлѣе. Свѣжій, немного прохладный воздухъ проникъ въ комнату и тихій зефиръ началъ играть въ черныхъ локонахъ Елены. Матеевъ сѣлъ на свое мѣсто и прицался рассказывать другія главы исторіи. Наташа на маленькомъ, серебрянномъ подносикѣ принесла стаканъ чаю, куличъ, оставшійся послѣ Пасхи и молоко въ небольшомъ бѣломъ молочникѣ съ цвѣточками геліотропа.

— Вы опять не будете со мною чай пить? спросилъ Матеевъ.

— Съ вами!...—воскликнула Елена и вдругъ многозначительно замолчала, но молчаніе было краснорѣчивѣй словъ, И Матеевъ понялъ это очень хорошо, и, чтобы неконфузить ее, проговорилъ, по обыкновенію, сладко улыбаясь и смотря въ лицо Еленѣ.

— Конечно, вы не отказали-бы мнѣ въ большомъ удовольствіи пить съ мною чай, но все же... вы обязаны поддерживать традиціи вашихъ родителей...

— Да, да, именно традиціи, только традиціи.

— Но вѣдь это пока...

— Я думаю...

Но эти слова „я думаю“ Елена произнесла съ глубокимъ вздохомъ. Ей въ мгновеніе ока представились ея родители и ея положеніе въ обществѣ родныхъ и соплеменниковъ.

Правда, теперь взрослыя дѣвушки обладаютъ